

Гусельцева М.С. Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности

English version: [Guseltseva M.S. Mixed methods of research in the light of the ideal of postnonclassical rationality](#)

Психологический институт, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются смешанные методы и методологии в психологии и социогуманитарных науках. Концептуальная рамка культурно-аналитического подхода позволяет представить появление смешанных исследовательских стратегий в связи со становлением постнеклассического идеала рациональности в науке, идеями методологического либерализма и плюрализма. Логика развития науки здесь проявляется в движении от чистых исследовательских линий – к смешанным, от канонов – к импровизациям, совмещению жанров и игре научными стилями. Утверждается, что смешанные методы и методологии представляют частный случай полипарадигмальности как принципа постнеклассической науки. Обсуждаются проблемы интеграции научного знания в данной познавательной ситуации. Высказывается мнение, что тормозом к развитию отечественной психологии является интеллектуальный изоляционизм, и именно постнеклассический идеал рациональности, лишая классическое наследие незыблемости авторитетов и канонического ореола, высвобождает психологическую науку к развитию. Парадокс постнеклассического идеала рациональности проявляется в том, что отказ от охраны предметных границ усиливает исследовательские позиции, а поддержка разнообразия делает развитие науки более устойчивым.

Ключевые слова: методология, смешанные методы исследований, культурно-аналитический подход, идеалы рациональности

Тоталитарные эпохи влекут за собой долгий инерционный шлейф культурно-психологического наследия как в жизни общества, так и в эволюции науки, не позволяя в дальнейшем адекватно отвечать на вызовы современности. В отечественной интеллектуальной традиции это проявляется в нетерпимости к иному мнению и, одновременно, позитивной чувствительности к статусам и авторитетам, в сложности учета при построении картины реальности других подходов и альтернативных точек зрения, в то время как современная познавательная ситуация в общемировом контексте характеризуется открытостью дисциплинарных границ, методологическим плюрализмом и либерализмом, популярностью полипарадигмальности и смешанных методологий [Варганова, 2009; Култыгин, 2001; Denzin, Sridhar, 2010; Morse, 1991; Porta della, Keating, 2008, 2009; Tashakkori, Creswell, 2007]. Более того, научные открытия зачастую совершаются в пограничных областях и на маргинальных тропях научного знания [Бахтин, 1979; Кедров, 1990; Рабинович, 1979]. Преодолению же отечественных тенденций авторитаризма и общего тоталитарного наследия способствует вдумчивое изучение истории науки, личные и коллективные усилия методологической рефлексии.

Данная статья представляет собой попытку взглянуть на эволюцию научного знания посредством методологической оптики смены типов рациональности. Напомним, что оригинальная концепция исторических типов рациональности в отечественной философии науки разработана В.С.Стёпиным [Стёпин, 2000]. В психологии идея типов рациональности в наиболее полном виде обсуждалась в работах П.А.Мясоеда [Мясоед, 2004], В.Е.Клочко [Клочко, 2007]. Наша же авторская трактовка эволюции психологического знания в контексте смены типов рациональности [Гусельцева, 2006]

опирается как на представления отечественных философов (П.П.Гайденко, М.К.Мамардашвили, В.С.Стёпина, В.С.Швырева), так и на эпистемологические разработки М.Вебера, Ж.-Ф.Лиотара, П.Фейерабенда, где интеграция данных идей осуществлена в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода [Гусельцева, 2013, 2014].

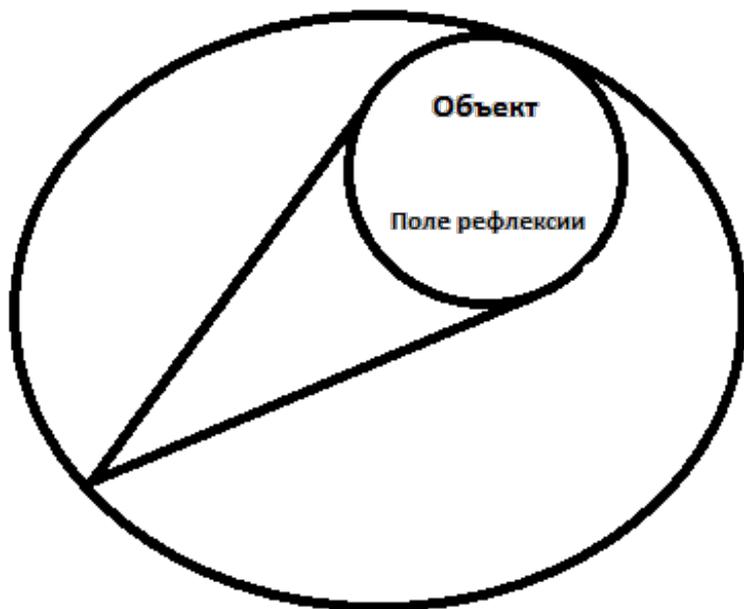
Начнем с экспликации представлений о смене методологической оптики на основе концепции типов рациональности, чтобы во второй части статьи показать, что смешанные методы и методологии являются частным случаем полипарадигмальности как общенаучного принципа постнеклассической рациональности.

Идеалы рациональности как конструкт для анализа эволюции психологического знания

Исторические типы рациональности были выделены В.С.Стёпиным на основе изучения истории естествознания, следовательно, при их переносе на эволюцию психологического знания мы ориентируемся на смену типов рациональности как на идеальную модель [Гусельцева, 2006, 2014]. Методологическая оптика типов рациональности в анализе эволюции психологического знания подчеркивает взаимоотношения субъекта и объекта науки, а также характеристики возрастания сложности объектов исследования. Так, В.С.Стёпин выделил в эволюции науки три объекта исследования – механические системы, холические системы (саморегулирующиеся), саморазвивающиеся системы [Стёпин, 2000]. В классическом типе рациональности объект изолирован, в неклассическом – включен в мир как в систему, в постнеклассическом – объект развивается в сети сложных, текущих, нередко неустойчивых взаимодействий.

При анализе психологической науки для дифференциации типов рациональности нам важно обратить внимание на такие методологические предпосылки, как механицизм, холизм и автопоэзис, а также на исследовательскую оптику, где объект изучения представлен *непосредственно* («постулат непосредственности»); *опосредованно* (будь посредником язык, деятельность, промежуточные переменные, переживания, продукты творчества); *в разнообразии локальных и изменяющихся контекстов* [Гусельцева, 2014].

Классический тип рациональности оформился в качестве эпистемологического подхода в XVII–XIX вв., вместе со становлением европейской науки и дальнейшим расцветом классического естествознания [Стёпин, 2000]. Данная методологическая оптика сфокусирована на изучении изолированного (лабораторного) объекта, который естествоиспытатель (субъект) изучает эмпирически, экспериментально и как бы со стороны, то есть с позиции внешнего и беспристрастного наблюдателя (см. рис. 1). В качестве культуры мышления классическая рациональность ориентирована на внеисторический характер разума; ее методологические задачи – избежать изменчивости и вариативности знания [Гайденко, 2003].

Рис. 1. Методологическая оптика классического идеала рациональности.

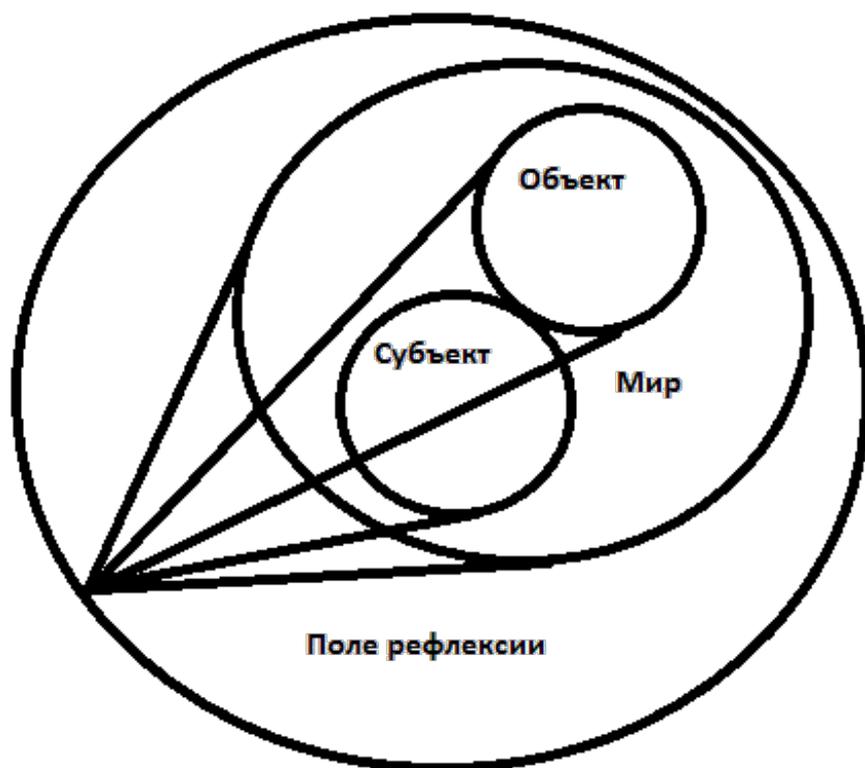
Рисунок показывает сосредоточенность поля рефлексии на объекте исследования. Цель познания в свете классического идеала рациональности – построение истинной, объективной картины реальности; описание вещей, каковы они есть «на самом деле». Становящиеся науки на данном этапе решают проблемы строгого определения границ собственного предмета и поисков объективного метода исследования. Приоритет отдается опытному и экспериментальному знанию, теории строятся на фактологической основе. Согласно исследовательским установкам научного сообщества, к научной теории ведет правильный метод, а достижение достоверности, объективности, валидности исследования требует элиминации случайных помех и субъективных факторов.

Трактовка психики на классическом этапе развития науки, как правило, замыкала ее пределами сознания. Тем не менее естественнонаучная методология придала мощные импульсы развитию психологии в качестве эмпирической науки. Философская *категория отражения* легла в основу объяснения развития и принципов функционирования психики. Ведущей методологией служил позитивизм как важное достижение в эволюции научного знания того времени. Следует подчеркнуть, что популярная в наши дни критика позитивизма справедлива лишь в стремлении ограничить его претензии на общенаучное мировоззрение и методологическую универсальность. В качестве классической (в лучшем смысле этого слова) методологии позитивизм до сих пор продолжает служить идеалу достоверного познания и доказательной науки.

Таким образом, ошибочно было бы полагать, что классический идеал рациональности остался позади в истории науки: с одной стороны, он вполне адекватен для решения ограниченного круга задач, с другой же – сохранился в качестве консервативных установок исследовательского сознания. Примером последнего служит убеждение Ю.И.Семенова, что «единственной теорией познания, согласующейся с наукой, является теория отражения» [Семенов, 1993, с. 18]. Рискну предположить, немало отечественных психологов занимают сходные позиции.

Неклассический идеал рациональности рождался на рубеже XIX–XX вв. Ведущей наукой в фарватере эпистемологического поворота здесь явилась теоретическая физика. Одновременно значимую роль в эпистемологии социогуманитарных наук сыграл структурализм. Методологическая оптика данного типа рациональности направлена на рассмотрение взаимодействий субъекта и объекта, которые включены в единый познавательный мир или систему (см. рис. 2). На рисунке изображена прикованность взгляда к установочному ракурсу: будь то объект, взаимодействие объекта и субъекта или взаимодействие объекта и субъекта в системе (системах).

Важное место в неклассической парадигме занимают *категория деятельности* как «транслятор» между субъектом, объектом и миром, а также идея относительности (опыта, метода, теорий, картины мира). При помощи разных методов и теорий ученые создают здесь уже не абсолютный универсум, а идеальные модели реальности, ощупывая пресловутого «слона» с различных сторон. Отрефлексированной методологической проблемой на данном этапе развития становится необходимость преодолеть фрагментацию исследований в том круге познания, где представлены разные модели реальности и языки описания. Неклассическая культура мышления признает исторический характер разума, но тем не менее довлеет к позитивизму.

Рис. 2. Методологическая оптика неклассического идеала рациональности.

Трактовка психики в неклассическом типе рациональности выходит за пределы сознания: предмет исследования становится открытой системой. Ведущей и весьма эффективной методологией неклассического типа рациональности является системный подход. Существенную роль играют идеи холизма. Наряду с принципом отражения на передний план выдвигается принцип активного преобразования реальности. Неклассическая психология – деятельна, психотехнична и осмысливает себя активно вмешивающейся в реальность. Также не чужды ей идеи конструктивизма [1] (см., например, [Kvale, 1994]).

Подчеркнем, что идеальную модель смены типов рациональности не следует отождествлять с исторической реальностью, где отдельные признаки «неклассики» исследователи обнаруживают как в конце XIX в., так и в 1960-е гг. Более того, если ранняя неклассика строга, позитивистски ориентирована и стремится к образцу классической науки, то поздняя неклассика отличается либерализмом и толерантностью к разнообразию, что в дальнейшем станет существенной характеристикой уже постнеклассического типа рациональности. (О дифференциации внутри неклассического типа рациональности подробнее см., например, [Гусельцева, 2013].)

Постнеклассический идеал рациональности сформировался на рубеже XX–XXI вв. При этом признаки постнеклассики могут быть обнаружены в более широком временном диапазоне, включая 1960-е гг. и даже отдельные идеи античных авторов (см., например, [Тульчинский, 2002]). Исследователи отмечают

взлет социогуманитарного знания, получающий поддержку именно в постнеклассическом типе рациональности. «На передний план вышли проблемы социокультурной обусловленности научного познания, анализ взаимодействия науки с другими феноменами человеческой культуры, исследование познавательных процедур в связи с исторически меняющимися ценностями и мировоззренческими ориентациями» [Стёпин, 1991, с. 136].

Постнеклассическая культура мышления признает множество типов рациональности, в том числе рациональность мифа (см., например, [Хьюбнер, 1996]). Исторический стиль анализа распространился здесь даже на естествознание, наука изучается как часть культуры [Гайденко, 2003]. Познавательная ситуация характеризуется растворением дисциплинарной модели знания и методологическим ситуативизмом, где наиболее эффективными оказываются проблемные, а не предметные исследования. Постнеклассическая рациональность отмечена вкладом в эпистемологию социологии, культурологии и этнографии (антропологии). Важную роль в ней играют идеи самоорганизации, *категория культуры и рефлексивная сложность*.

В постнеклассической науке на передний план выдвигается новый тип объекта – это открытые, саморазвивающиеся системы [Стёпин, 2000; Клочко, 2007], возрастает саморефлексия науки [Gergen, 1994], анализ познавательных контекстов, набирает силу так называемое движение антропологического поворота [Панченко, 2012; Прохорова, 2009]. Отметим, что антропологическая оптика не чужда и синергетической трактовке постнеклассической рациональности. Так, В.Е.Клочко пишет: «Согласие между теми, кто хочет "объяснять психику", с теми, кто хочет "понимать человека", возможно только в том случае, если сработает новая установка: чтобы объяснять психику, нужно определенным образом понимать человека» [Клочко, 2007]. Одна из важных методологических проблем постнеклассического типа рациональности – интеграция знания как на конкретно- и общенаучном, так и на мультидисциплинарном уровнях.

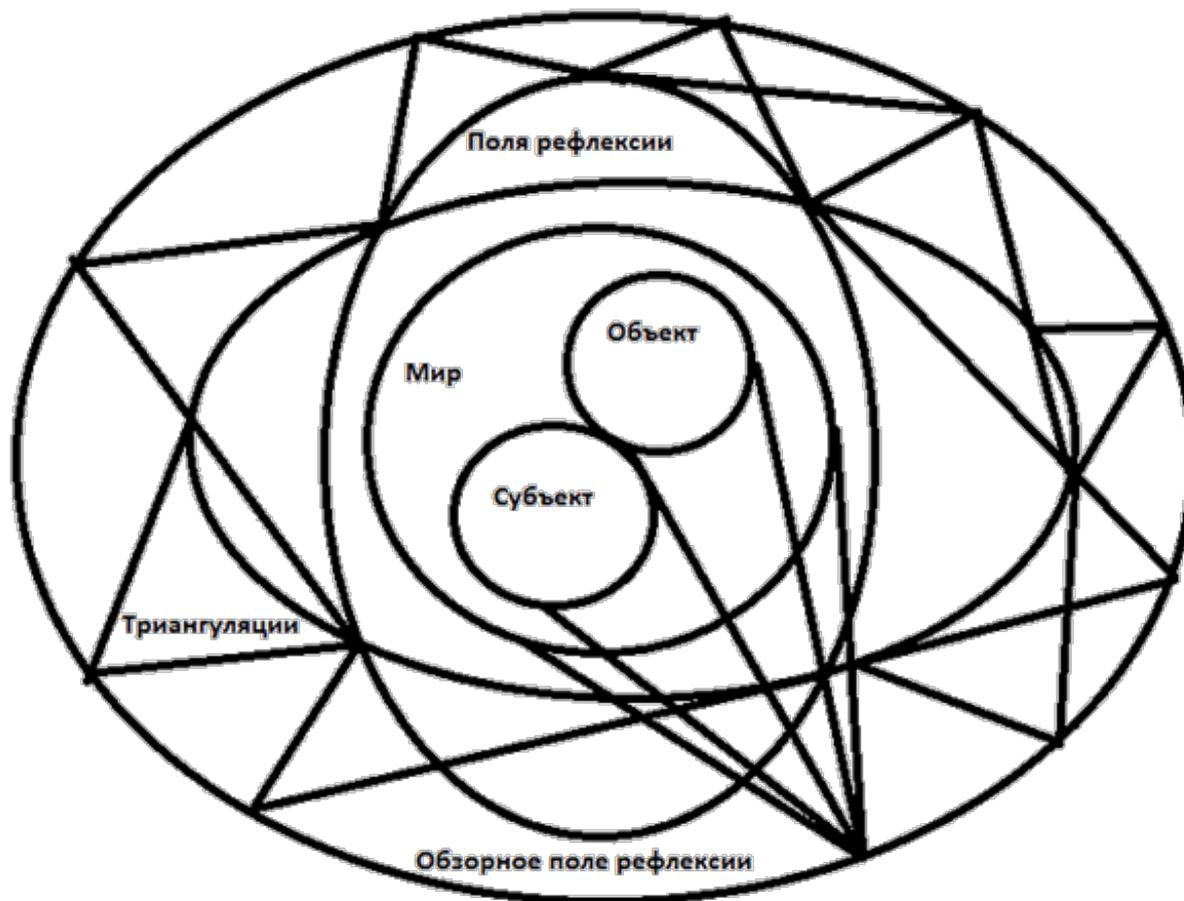
Несмотря на то, что в постнеклассической науке распространена трактовка психики как сложной саморазвивающейся системы, нам важно подчеркнуть именно множественность и дополнительность ракурсов изучения предмета психологии. Наряду с проблемами активного преобразования и конструирования реальности, где субъект и объект развиваются в поле влияния разнообразных систем, в качестве разновидности психологической детерминации обсуждается принцип автопоэзиса.

Каждому типу рациональности присуще множество атрибутов. В свое время Б.Спиноза обратил внимание, что у мира как субстанции атрибутов гораздо больше, нежели мы воспринимаем или рефлекслируем. Данная идея работает и в отношении анализа типов рациональности, где их ведущие особенности выявляет оптика исследовательской задачи. Так, например, при сравнении неклассического и постнеклассического типов рациональности могут быть выделены, соответственно: установка на конфликт с иными подходами (а не на солидарность), подозрительность (а не доверие), тотальность, а не ситуативность и т.п. – как отличия интеллектуальных стилей данных типов рациональности [Гусельцева, 2013].

Наш ракурс рассмотрения типов рациональности обращен прежде всего на методологическую оптику. Методологическая оптика постнеклассического идеала рациональности нацелена на решение сверхзадачи – *объять необъятное*. С этим связаны такие особенности анализа, как подвижность, динамичность, сложность, текучесть, ситуативность, своего рода эклектичность (новая эклектика). Исследователь рефлекслирует множественность теорий, методов, подходов, которые верны в контексте локально решаемых задач, раскрывают разные аспекты реальности, меняются вместе с ситуацией, работают на опережение и т.п. Следствием этого становится усилие, а в дальнейшем и навык сверхрефлексивности, интеллектуальной игры антиномиями (и то, и это), практика смены оптик (подробнее см. [Гусельцева, 2013]).

Таким образом, постнеклассика решает задачи коммуникации подходов, поиска объединяющих горизонтов. Методология здесь выступает в качестве работы перевода между концепциями, демонстрируя, каким образом одну и ту же реальность раскрывают различные концептуальные языки. В этом контексте появляются разные модели интеграции психологического знания, среди них – *триангуляция* [2] (если прибегнуть к данному понятию в качестве метафорического конструкта:

встречаясь, два подхода, например позитивизм и герменевтика, уже не ведут борьбу за «место под солнцем», а прокладывают «третий путь») (см. рис. 3).

Рис. 3. Методологическая оптика постнеклассического идеала рациональности.

Рисунок демонстрирует свободу в выборе установочного ракурса: концентрация ли непосредственно на объекте (в соответствии с идеалом классической рациональности), на взаимодействии объекта и субъекта, на взаимоотношениях объекта и субъекта, представленных в разнообразии систем (в соответствии с идеалом неклассической рациональности). Помимо этого здесь добавились, с одной стороны, множественные поля рефлексии, а с другой – обзорное поле рефлексии, где осуществляется произвольное конструирование картины мира на основе разных исследовательских ракурсов. Среди интегрирующих исследовательских стратегий наряду с вышеупомянутыми возможны: «триангуляция» (как чередующаяся смена методологической оптики) и «смешанные методы» (смена исследовательской оптики и скольжение мысленным взглядом от одного познавательного ракурса к другому). Сочетание ракурсов создает новые, избыточные, иногда неожиданные и не очевидные ранее возможности. Наиболее проблематичной и одновременно креативной областью становится обзорное поле рефлексии, где решаются задачи синтеза и интеграции исследовательских стратегий.

Чтобы методологический плюрализм не скатился к «либеральной пошлости» (liberal platitude) [della Porta, Keating, 2009, p. 4], важно продумать, каким образом разные методы, теории, подходы могут быть взаимосогласованы. Особенно актуальной здесь становится задача свести воедино отрефлексированное разнообразие исследовательских ракурсов [3]. Для решения этой задачи используются различные стратегии – коммуникативные, интегральные, диалогические, сетевые (см. [Гарбер, 2006; Мазиллов, 2003; Уилбер, 2013; Янчук, 2007; Chew, 1968]). В зарубежной же эпистемологии социогуманитарных наук, краткому обзору которой мы посвятим вторую часть данной статьи, наиболее активно обсуждаются идеи триангуляции (triangulation) и смешанных методов (multimethods, mixed methods) [Bryman, 2006, 2007; Creswell, 2003, 2008; Johnson et al., 2007; Olsen, 2004; De Lisle, 2011; della Porta,

Keating, 2008; Tashakkori, Creswell, 2007; Thurmond, 2001; Terrell, 2012; etc.].

Особенно следует отметить работу Ф. Аркидьаконо и Е. де Грегорио, посвященную смене стиля мышления в психологии под воздействием смешанных методов и методологий, анализу условий их продуктивного использования и открывающимся в новой познавательной ситуации научным перспективам [Arcidiacono, de Gregorio, 2008]. Авторы подчеркивают, что выбор методологии не может быть абстрактным, а определяется поставленной задачей. Важно поддерживать вариативность доступного познавательного инструментария, чтобы диапазон выбора ученого не был ограничен привычкой к определенным методам и парадигмам. Смешанные методы исследования способствуют более глубокому изучению феноменов в разных аспектах и на разных уровнях анализа, иными словами, они адекватны более сложному представлению о реальности, в свою очередь, обогащая и психологические теории [Там же].

В постнеклассическом типе рациональности, поддерживающем конвергенцию наук о природе и наук о духе, качественные и количественные стратегии не противопоставляются, а делят между собой сферы влияния: количественный анализ направлен на исследование объективной реальности, качественный анализ служит изучению ее субъективных аспектов [della Porta, Keating, 2009]. На определенных этапах исследования количественные методы требуют качественного наблюдения, тогда как качественный анализ в целях повышения собственной валидности стремится получить количественное подтверждение. Более того, в современной социокультурной ситуации развития науки произошла легализация смешанной методологии, где уклон в сторону позитивизма или герменевтики определяется исследовательскими предпочтениями.

«В защиту плюрализма»: смешанные методы и методологии

Познавательную ситуацию в социальных науках детально обсуждают Д. делла Порта и М. Китинг, доказывая продуктивность методологического плюрализма: «Вместо того чтобы искать единую теорию поля, социологи должны увидеть методологический плюрализм в качестве позитивного и естественного состояния реальности» [della Porta, Keating, 2009, p. 2]. Социогуманитарные науки, начиная с последней четверти XX в. дискутировали вопросы разнообразия онтологий, подходов, методов и методологий. Неклассическая эпоха в развитии этих наук вошла в историю как время методологических войн, характеризуясь противопоставлением двух направлений, опирающихся соответственно на количественную и качественную эпистемологию.

Однако вместе со становлением постнеклассического идеала рациональности борьба методологий постепенно сменялась идеями толерантности, когерентности исследований, стратегиями солидарности и поддержкой, значимостью деталей и полутонов. Изменилась исследовательская позиция в целом: вместо взаимоисключающих стратегий ученые научились видеть их взаимодополнительность. Одновременно шла дифференциация эпистемологически близких подходов, которые в отличие от крупных школ интенсивнее стремились к размежеванию [della Porta, Keating, 2009].

С января 2007 г. «солидное американское издательство "Sage Publications"» [Варганова, 2009] начало ежеквартальный выпуск журнала "Journal of Mixed Methods Research" (как следует из названия, посвященного смешанным методам исследований). Первый выпуск данного журнала, отмечают авторы редакционной статьи Дж. Кресвелл и А. Ташакори, открыл новую эру в концептуализации и использовании интегрирующих подходов на всем пространстве социальных и поведенческих наук [Tashakkori, Creswell, 2007]. Несмотря на огромный объем литературы, посвященной вопросам методологии, типологии и оценки смешанных методов исследований, данное эпистемологическое поле все еще продолжает интенсивно развиваться.

Вышеназванный журнал был задуман в качестве пространства для дискуссий и коммуникации ученых, использующих в собственной практике смешанные методы и методологии, позволяя им также преодолевать междисциплинарные и межкультурные барьеры, расширять философские и методологические горизонты. Каждый выпуск журнала по установившейся традиции включает разнообразие исследовательских жанров, представленное методологическими, теоретическими и

эмпирическими статьями, обзорами книг и даже анализом программного обеспечения [Там же].

До сих пор остается дискуссионным само понятие смешанных методов, где избегающие теоретической рефлексии практики обозначают таким образом сочетание количественных и качественных исследований в своих проектах. В эпистемологическом же ракурсе принято различать *смешанные методы*, касающиеся сбора и анализа двух разновидностей данных (качественные и количественные), и *смешанные методологии* как способы интеграции двух подходов к исследованию (количественные и качественные) [Morse, 1991]. В интеллектуальном кругу Journal of Mixed Methods Research смешанные методы и методологии принято трактовать в самом широком смысле, включая сбор и анализ данных, синтез результатов, обоснование выводов с опорой на количественные и качественные подходы, объединение разных методов в одном исследовании или создание полипарадигмальной исследовательской программы [Tashakkori, Creswell, 2007]. При этом ключевым понятием здесь является *интеграция* [Bryman, 2007].

Дискутируются философские основания смешанных методов и методологий, в том числе – считать ли общим концептуальным полем прагматизм, единый философский подход или сочетание множества философий [Tashakkori, Creswell, 2007]. Широко обсуждаются проблемы, возникающие при комбинировании методов, методологий и общенаучных парадигм. Так, А.Ташакори и Тэдди, рассматривая вопросы дифференциации смешанных методов и смешанных методологий, пришли к выводу, что корректнее проводить различие между смешанными и квазисмешанными методами исследованиями, где в последнем случае итоговой интеграции не происходит [Tashakkori, Teddlie, 1998].

Хотя дискуссии, посвященные разнообразию методологических возможностей и стандартам исследований, опирающиеся на комбинирование качественных и количественных подходов, активизировались на рубеже веков, сама идея смешанных методов и методологий появилась гораздо раньше (см., например, [Campbell, Fiske, 1959]). Одну из первых концептуализаций осуществил Н.Дензин, не только развивший методологию триангуляции, но и выделивший виды последней – триангуляция *данных*, триангуляция *методов*, триангуляция *исследователей*, триангуляция *методологий* [Denzin, 1970]. В дальнейшем список пополнился триангуляцией *анализа* [Kimchi et al., 1991].

Работы Н.Дензина послужили легализации в социальных науках идей методологического плюрализма и либерализма. В 1970-е гг. он призвал социологов привыкнуть к мысли, что не существует «лучшего», единого, везде пригодного метода. Напротив, один метод, один наблюдатель и одна теория ведут к заведомо пристрастной интерпретации. Каждый из методов (экспертов, теорий) имеет свои сильные и слабые стороны, раскрывает отдельные аспекты изучаемой реальности. Стратегия же триангуляции предполагает использование в решении поставленных задач возможности нескольких методов и методологий. Более того, применение в одном исследовании разных типов триангуляции получило название множественной триангуляции (multiple triangulation) [Denzin, 1970].

Эпистемологический смысл триангуляции – подтверждение фактов и достижение полноты картины исследуемой реальности. Однако сама по себе триангуляция – не панацея, В.Термонд подчеркивает, что данная стратегия не усилит изначально слабое исследование: обращаясь к триангуляции, исследователь должен четко понимать, какие именно задачи он здесь решает [Thurmond, 2001]. Как уже отмечалось, проблему итоговой интеграции результатов исследований, использующих идеи триангуляции и смешанные методологии, поставил во главу угла А.Брайман [Bryman, 2006, 2007].

Ранее проблемы интеграции методов и методологий обсуждал Ж.Морс, предложивший различать исследования, использующие качественные и количественные технологии при сборе материала, и посвященные проблеме интеграции разных подходов глубокие теоретические работы. Более того, «смешивание» методов и методологий происходит разными способами и по разным основаниям: типы исследовательских вопросов (с опорой на качественные и количественные подходы); стили исследования (импровизация vs строгая процедура); разновидности отбора проб (вероятностные и целенаправленные), процедуры сбора данных (фокус-группы и опросы), оформление данных (численные и текстовые), анализа данных (статистические и содержательные), выводов («эмические» и «этические», «объективные» и «субъективные») и т.д. [Tashakkori, Creswell, 2007].

Осмысливая проблему согласования различных эпистемологических и онтологических предпосылок, Ж.Морс выделил два пути совмещения количественных и качественных исследований. В одном случае качественные методы играют роль предварительных разведывательных или дополняющих стратегий при ведущей роли количественной методологии. Во втором случае, напротив, ведущей является качественная методология, а количественные методы несут вспомогательную нагрузку. При этом исследователь так или иначе вынужден определиться с собственной исходной позицией, следовательно, несмотря на плюрализм познавательного инструментария, идеалом рациональности здесь остается теоретический монизм [Morse, 1991].

Д.делла Порта и М.Китинг подчеркивают, что выбор между «жесткими» количественными методами и «мягкими» качественными стратегиями не должен определяться идеологическими предпосылками, а направляться адекватностью решаемой задаче. Современное социогуманитарное знание в целом продуктивно развивается в рамках как позитивистской, так и герменевтической методологии. В пределах одной науки ученые ориентированы на разнообразные исследовательские перспективы: одни оперируют позитивистской эпистемологией и налегают на количественный анализ, другие привержены релятивистской позиции и предпочитают анализ качественный. На протяжении каждого исследования сложно сделать однозначный выбор между позитивизмом или интерпретацией, количественной и качественной методологией. В повседневности познания нет единой методологии, а есть множество изменяющихся выборов и тенденций. Именно наличие многообразных расхождений способствует поиску консенсуса между полярными позициями, где возникающее «перекрестное участие» (overlapping membership) исследователей в разных проектах делает границы между позитивистскими и герменевтическими подходами проницаемыми.

Вместо следования дихотомическому мышлению, утверждают Д.делла Порта и М.Китинг, продуктивной оказывается модель континуума. Поскольку социальные науки нередко осмысливали себя в качестве «третьего пути» между естествознанием и гуманитаристикой, у них легко возникает искушение методологического заимствования в двух местах [della Porta, Keating, 2009]. Со своей стороны заметим, что и в развитии психологии подобного рода эпистемологические стратегии представляются весьма эвристичными.

Несмотря на гетерогенную и мозаичную в наши дни исследовательскую реальность, где представлены разные типы рациональности и исследовательские установки: консервативные и либеральные, охранительные (по отношению к классическому наследию) и модернистские, отечественные социогуманитарные науки в целом и психология в частности сохраняют традиции интеллектуального изоляционизма [4]. Перспективным в его преодолении представляется развитие смешанных методологий и культивирование постнеклассического идеала рациональности. Данная концептуальная рамка является эвристичной и для развития отечественных научных школ культурно-исторической и деятельностной психологии, где категории «деятельность» и «культура» встречаются в смешанной культурно-деятельностной парадигме, а относительно чистые линии культурно-исторической и деятельностной школы при комбинировании получают второе дыхание (см., например, [Асмолов и др., 2007]). Модель психического (Е.А.Сергиенко) служит другим примером интеграции психологического знания в свете постнеклассического идеала рациональности [Сергиенко и др., 2009].

Заключение

Новые методологии возникают в ответ на вызовы изменившейся познавательной и социокультурной ситуации. Так, «текущая современность» (З.Бауман) как метафорический конструкт находит отражение не только в текучести процессов современной социализации (Т.Д.Марцинковская) [Марцинковская, 2013], но и познания. В этой связи эпистемологическую поддержку в свете идеала постнеклассической рациональности получают разновидности смешанных исследований, включающие идеи триангуляции, мультидисциплинарности, полипарадигмальности и т.п.

Концептуальная рамка культурно-аналитического подхода, использующего типы рациональности в качестве одного из возможных конструктов для анализа эволюции научного знания, позволяет

рассматривать смешанные исследования как закономерный этап развития науки, опирающейся на философские предпосылки методологического либерализма и плюрализма. Прибегая к образному языку сравнительной психологии В.А.Вагнера, можно констатировать, что выделенные в классическом типе рациональности и сформировавшиеся в неклассическом типе в качестве научных школ «чистые линии» исследовательских традиций в последней четверти XX в. превратились в линии смешанные: в синтетические (интегративные, коммуникативные) подходы, в смешанные методы и методологии, сложные комбинации исследовательских традиций. В неклассическом типе рациональности такого рода вещи пренебрежительно назывались «эклектикой», постнеклассический же идеал рациональности помог обнаружить в них эвристику. Иными словами, произошла смена взгляда, и снова «камень, который отвергли строители», лег во главу угла [5].

Постнеклассическая методологическая оптика характеризуется тем, что разнообразные теории, концепции, подходы предстают в качестве элементов интеллектуальной мозаики, из которой творится ситуативная интеграция знания под конкретную исследовательскую задачу. Такого рода исследовательская установка позволяет не только преодолевать фрагментацию исследований, соединяя запросы практики с требованиями теоретической сложности анализа, но и постигать реальность глубже, шире, полнее, удерживая в сознании «ускользающий мир» [6].

Однако в изменившейся познавательной ситуации как отечественные социогуманитарные науки, так и современная российская психология испытывают определенные трудности, связанные с консервативными традициями. Крайне значимым здесь представляется преодолевать интеллектуальные установки, отсылающие к якобы единственно правильным трактовкам, верным подходам и методологиям, препятствующие развитию как свободы мышления, так и здорового критичизма. Важно стремиться к выработке интеллектуального навыка многомерного анализа, «вертя» в рефлексивном поле сознания, при каких условиях и допущениях оказываются верны та или иная позиция, теория, метод, подход. Презумпция ума (М.К.Мамардашвили) [Мамардашвили, 1992] здесь выступает как интеллектуальная норма постнеклассического типа рациональности.

Парадокс постнеклассического идеала рациональности проявляется в том, что отказ от охраны предметных границ усиливает исследовательские позиции точно так же, как поддержка разнообразия делает развитие системы более устойчивой.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

Литература

Асмолов А.Г., Володарская И.А., Салмина Н.Г., Бурменская Г.В., Карабанова О.А. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования. Вопросы психологии, 2007, No. 4, 16–23.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Варганова Г.В. Полипарадигмальность методологических подходов в научных исследованиях. Библиосфера, 2009, No. 4. <http://cyberleninka.ru/article/n/poliparadigmalnost-metodologicheskikh-podhodov-v-nauchnyh-issledovaniyah>

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. В кн.: Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1, с. 291–436.

Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Гарбер И.Е. Метапсихология в XXI веке: предмет, структура и методы. Психологический журнал, 2006,

27(4), 106–113.

Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы рациональности в психологии. Вопросы психологии, 2006, No. 1, 3–15.

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование): монография. М.: Акрополь, 2013.

Гусельцева М.С. Ловушки редукции, или о разнообразии интеллектуальных стилей как предпосылках интерпретации. Вопросы психологии. 2014, No. 2, 81–92.

Кедров Б.М. Проблемы логики и методологии науки. М.: Наука, 1990.

Клочко В.Е. Постнеклассическая транспектива психологической науки. Вестник Томского гос. унив., 2007, No. 305. <http://cyberleninka.ru/article/n/postneklassicheskaya-transspektiva-psihologicheskoy-nauki>

Култыгин В.П. Тенденции в европейской социологической теории начала XXI века (Навстречу 5-й Европейской социологической конференции). Социологические исследования, 2001, No. 8, 21–31.

Мазилев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции. В кн.: В.В. Новиков (Ред.), Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003. Т. 1, с. 205–237.

Мамардашвили М.К. Введение в философию. Курс лекций. Лекции 1, 2. Новый круг, 1992, No. 2, 56–73.

Марцинковская Т.Д. Субкультура в транзитивном обществе. Вопросы психологии, 2013, No 4, 57–68.

Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности. Вопросы психологии, 2004. No. 6, 3–18.

Панченко А. «Антропологический поворот» и «этнография науки». Новое литературное обозрение, 2012, No. 113. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/pa12.html>

Прохорова И.Д. Новая антропология культуры: Вступление на правах манифеста. Новое литературное обозрение, 2009, No. 100, 9–16.

Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979.

Семенов Ю.И. Этнология и гносеология. Этнографическое обозрение. 1993, No. 6. http://scepsis.net/library/id_133.html

Сергиенко Е.А. Модель психического как ментальная основа понимания мира у детей. В кн.: Т.Д. Марцинковская (Ред.), Феноменология современного детства: сб. науч. ст. В 3 частях. М.: Федеральный институт развития образования, 2012. Ч. 1, с. 20–50.

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа понимания себя и другого в онтогенезе человека М.: ИП РАН, 2009.

Стёпин В.С. Деятельностная концепция знания. Вопросы философии, 1991, No. 8, 129–138.

Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Тулчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы рациональности и свободы. СПб.: Алетейя, 2002.

Уилбер К. [Wilber К.] Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности.

М.: ПОСТУМ, 2013.

Хюбнер К. [Hübner K.] Истина мифа. М.: Республика, 1996.

Чеснокова М.Г. О социокультурных основаниях типов рациональности. Вестник Московского городского педагогического университета. 2012, 1(5), 95–106.

Янчук В.А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования. Методология и история психологии, 2007, 2(1), 207–227.

Arcidiacono F., De Gregorio E. Methodological thinking in psychology: Starting from mixed methods. International Journal of Multiple Research Approaches, 2008, 2(1), 118–126.

Bryman A. Integrating quantitative and qualitative research: how is it done? Qualitative Research. 2006, 6(1), 97–113.

Bryman A. Barriers to Integrating Quantitative and Qualitative Research. Journal of Mixed Methods Research, 2007, 1(1), 8–22.

Campbell D.T., Fiske D.W. Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix. Psychological Bulletin, 1959, 56(2), 81–105.

Chew G.F. "Bootstrap": A scientific idea? Science, 1968, 161 (3843), 762–765.

Creswell J.W. A Framework for Design. In.: J.W. Creswell (Ed.), Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. Thousand Oaks: Sage Publications, 2003.
http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic1334586.files/2003_Creswell_A%20Framework%20for%20Design.pdf

Creswell J.W. The Selection of a Research Design. In.: J.W. Creswell (Ed.), Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. 2008. <http://de.slideshare.net/narf2916/research-design-qualitative-quantitative-and-mixed-methods-approaches-by-jo>

De Lisle J. The Benefits and Challenges of Mixing Methods and Methodologies. Caribbean Curriculum, 2011, 18, 87–120.

Della Porta D., Keating M. (Eds.). Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Della Porta D., Keating M. In Defence of Pluralism. Combining approaches in the social sciences. International Congress of Political Science. Santiago de Chile, 2009.
http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_1051.pdf

Denzin N.K. Sociological methods: A sourcebook. New Brunswick: Transaction publishers, 1970.

Denzin N.K., Sridhar M.S. Moments, mixed methods, and paradigm dialogs. Qualitative Inquiry, 2010, 16(6), 419–427.

Gergen K.J. Toward a Postmodern Psychology. In.: S. Kvale (Ed.), Psychology and Postmodernism. London: Sage Publications, 1994. pp. 7–30.

Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J., Turner L.A. Toward a Definition of Mixed Methods Research. Journal of Mixed Methods Research, 2007, 1(2), 112–133.

Kimchi J., Polivka B., Stevenson J.S. Triangulation: Operational definitions. Nursing Research, 1991, 40(6), 364–366.

Kvale S. Postmodern Psychology: A Contradiction in Terms? In.: S. Kvale (Ed.), Psychology and Postmodernism. London: Sage Publications, 1994. pp. 31–57.

Morse J. Approaches to qualitative-quantitative methodological triangulation. Nursing Research, 1991, 40(2), 120–123.

Olsen W.K. Triangulation in Social Research: Qualitative and Quantitative Methods Can Really Be Mixed. In.: M. Holborn (Ed.), Developments in Sociology. Haralambos: Causeway Press, 2004.
<http://research.apc.org/images/5/54/Triangulation.pdf>

Tashakkori A., Creswell J.W. The New Era of Mixed Methods. Journal of Mixed Methods Research, 2007, 1(1), 3–7.

Tashakkori A., Teddlie C. Mixed methodology: Combining qualitative and quantitative approaches. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998.

Thurmond V.A. The Point of Triangulation. Journal of Nursing Scholarship, 2001, 33(3), 253–258.

Terrell S.R. Mixed-Methods Research Methodologies. The Qualitative Report, 2012, 17(1), 254–280.

Примечания

[1] «В некотором смысле советская культурно-историческая школа после Выготского и теория деятельности Леонтьева и Давыдова близки к социальному конструктивизму, особенно в диалектических отношениях человека и мира и исторической и культурной обусловленности деятельности» [Kvale, 1994, p. 46].

[2] В социальных науках и в психологии триангуляция выступает как метафорический конструкт, связанный с идеей, что разнообразие подходов укрепляет общую конструкцию итогов исследования. Триангуляция определяется как применение нескольких, преимущественно качественных и количественных, методов в изучении определенного феномена с целью увеличения достоверности исследования [Thurmond, 2001].

[3] Отлично сформулировано М.Г.Чесноковой: «Связывая различные научные направления между собой, сетевое мышление формирует своеобразную "топографическую карту" пространства психологического знания. Такая "карта" призвана стать ориентиром для исследователя, стремящегося найти свою научную нишу и определить круг методологически близких подходов как возможный диапазон своей исследовательской деятельности» [Чеснокова, 2012, с. 101]. Однако никак нельзя согласиться с дальнейшей трактовкой автора: «В рамках постнеклассического типа рациональности складывается новый идеал человека науки. Это прежде всего профессиональный исполнитель, свободно оперирующий различным методологическим инструментарием, через который, как через "линзы", он смотрит на мир психологических проблем. Если сравнить этот образ ученого с его классическим аналогом, то мы будем вынуждены констатировать, что производитель знания уступил место профессиональному потребителю уже существующего научного знания, более или менее успешно оперирующему (или манипулирующему) им. Преобладание потребления над производством всегда считалось свидетельством кризиса общественной системы. Постмодернистская модель развития психологии провоцирует наступление подобной ситуации и в науке. Исходя из этого, перспективы последовательного использования постмодернистской парадигмы в психологической науке вызывают серьезные опасения» [Там же]. Смешанные методы и методологии, комбинирование психологических теорий – не менее творческий и инновационный труд, нежели создание новых теорий. Virtuозное владение разными методологиями, теоретическими подходами и практическими методами не корректно отождествлять с потреблением таковых. Следовательно, неправомерен и сделанный на данном основании вывод о негативном влиянии постмодернистской парадигмы. Суть постнеклассической культуры мышления (учитывающей и критический опыт постмодернизма) в том, что ответственность за конструирование знания исследователь принимает на себя. Он волен распоряжаться доступными в

общем поле науки методологиями, подходами и парадигмами, насколько позволяют собственное мастерство, взаимоотношения с сообществом (научная репутация), внутренняя свобода и совесть, креативность, исследовательская задача. Иными словами, в постнеклассическом типе рациональности наряду с глобализацией науки и ролью коллектива возрастает и индивидуализация (индивидуальная значимость) исследователя.

[4] Так, Е.А.Сергиенко отмечает, что важное идейное направление зарубежной психологии Theory of Mind недостаточно представлено в российских исследованиях: «К сожалению, данное направление в отечественной психологии разработано очень слабо и представлено фактически несколькими авторами, тогда как продуктивность и научная перспективность данного подхода уже доказаны в мировой науке» [Сергиенко, 2012, с. 21].

[5] Здесь: аллюзия на известную цитату Л.С.Выготского [Выготский, 1982, с. 388].

[6] Название книги социолога Э.Гидденса, которое наряду с «текущей современностью» З.Баумана выступило плодотворной метафорой к анализу современной познавательной и социокультурной ситуации.

Поступила в редакцию 24 мая 2014 г. Дата публикации: 15 августа 2014 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности. Психологические исследования, 2014, 7(36), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html>

[К началу страницы >>](#)